

ГОСУДАРСТВО, РЫНОК, ОБЩЕСТВЕННОЕ БЛАГО

В данной главе рассматриваются важные функции государства в условиях рыночной экономики: предоставление общественного товара и прямое перераспределение дохода. Достижение принципа справедливости и эффективности в этих двух областях затруднено. Затем мы остановимся на проблеме, связанной с механизмом общественного принятия решения, когда рассмотрение процесса распределения вызывает дискуссии и все стороны имеют стимул оказывать влияние на принимаемые решения с учетом своих интересов. Наконец, рассматривается природа тех регуляционных помех и противоречий («провалов государственного регулирования» — government failures), которые воздвигают барьеры на пути развития предпринимательства, экономического роста, перераспределительной деятельности государства через бюджетный процесс.

16.1. Понятие общественного блага

Со времен Аристотеля считается, что цель политики — общее благо. Последнее подразумевает справедливость, равенство, единство, согласие, доверие, понимание обществом и властью необходимости следовать наиболее значимым общественным интересам. Вся общественная деятельность предполагает в качестве общественного блага наличие основы доверия (которое само по себе является формой общественного капитала), — правовой системы, аппарата приведения в исполнение закона.

В более общем плане следует подчеркнуть определяющее для среднего и длительного периода значение сплоченности общества, его однородности и гармонии. Этот фактор, который, казалось бы, невозможно выразить количественным показателем, определяют как обратный эффект неравенства. В социально однородных обществах население более образованно, лучше подготовлено в профессиональном плане, может лучше приспособиться к изменениям в мире, к требованиям прогресса и, следовательно, обеспечить наиболее эффективное развитие экономики (это, собственно, рассуждение о благотворности среднего класса), в отличие от общества, расколотого на богатых (слишком праздных, чтобы прилагать какие-либо усилия) и бедных (влачащих слишком жалкое существование, чтобы оказаться способными к каким-либо нововведениям), в котором социально-экономическому динамизму неоткуда взяться.

Политика как общественное благо сводится к поиску компромисса между прогрессом, который понимается как экономический рост, и справедливостью, понимаемой как равенство или эквива-

лентность. Напряжение возникает при использовании рациональных средств обеспечения справедливости и прогресса — рынка и бюрократии. Рынок нормативно оправдан равенством возможностей и доступа, но ущемляет другие аспекты равенства, особенно равенство результатов, продуцируя неравные результаты распределения. Рациональным способом решения этой проблемы является создание бюрократического аппарата в форме государства. Но бюрократия может скомпрометировать эффективность рынков и, следовательно, экономического роста, благосостояния. Таким образом, экономический рост (благосостояние) вступает в противоречие со справедливостью (равенством). Другой «простой» способ — это демократизация, тем более что возникает конфликт интересов, поскольку перераспределение (трансферт) предполагает улучшение положения одних за счет ухудшения положения других. Перераспределение рассматривается как общественное благо, а благо общества не может быть общим, если кто-либо не охватывается им, и требует обеспечения справедливости.

Таким образом, система общественных благ предполагает широкое и узкое их понимание, нормативное и позитивное, этическое и экономичное. В первом смысле — это процесс общения и благодеяния в обществе. Во втором смысле — это производство коллективных благ.

На волне технологических изменений была выдвинута концепция «*общественных благ*» (П. Самуэльсон и Р. Масгрэйв), согласно которой предложение целого ряда товаров, важных для общества и экономики в целом, должно обеспечиваться государством, поскольку сам рынок в необходимом количестве их обеспечить не способен из-за ограниченной мотивации, так как их потребляют все, независимо оттого платят они за это или нет.

С этой концепцией тесно связано понятие «*внешних нерыночных эффектов*» (*экстерналии*), издержек или выгод, не отраженных в рыночных ценах. Действительно, рынок будет производить товары в определенных количествах в зависимости от преобладания для них положительных или отрицательных экстерналий. Экстерналии можно трансформировать из внешнего во внутренний фактор посредством создания экономических единиц значительного размера, чтобы большая часть последствий экстерналий оказалась внутри данной единицы. Однако фирмы не могут принять во внимание общественные издержки, возникающие в результате создаваемых ими экстерналий, и в итоге возможен неоправданно большой их уровень. Полное исключение их государством понизило бы нравственное содержание деятельности и ответственность. Поэтому государство становится институтом, который может влиять на частный сектор, увеличивая для него стоимость производства или потребления товаров с отрицательными экстерналиями и уменьшая стоимость товаров с положительными эффектами.

Необходимость государственного вмешательства объясняется тремя причинами: 1) проблемы общественных товаров («зайцы», стремящиеся использовать общее правило в своих собственных интересах); 2) транзакционные издержки, или затраты на то, чтобы

подвести к возможности добровольной трансформации экстерналий, притом, что обеспечение организационных служб само по себе является общественным товаром; 3) неэффективность конкретных прав собственности, снижающих шансы на успех иска. Последнее обстоятельство дискуссионно и приоритет отдается не правам собственности, а существованию четко сформулированных норм.

Выбор государством методов регулирования экстерналий, имеющих важные последствия для распределения, зависит от экономических издержек, но кроме того, от власти групп с различными интересами, которые как-то затрагиваются такими мерами, хотя они и в разной степени доступны политическому манипулированию. При этом группа, не обладающая политической властью для устранения подобных мер, может оказаться достаточно сильна, чтобы распространить их на конкурентов [Стиглиц, 1997, 173].

Экономическое понятие о благе формально [Козловски, 1999, 109]. Благо определяется тем, что оно открывает альтернативные возможности использования. Если альтернативные возможности использования становятся таковыми лишь через субъекта, тогда то, что делает какую-то вещь экономическим благом, заключено в оценке субъекта, что к слову, делает благо «фикцией» для широко мыслящих аналитиков. Для экономического мышления проблема блага на этом заканчивается. Далее вопрос сводится к координации предпочтений. Нельзя до бесконечности сравнивать, доискиваясь, что есть хорошее само по себе, наступает момент, когда пора производить, чтобы продавать.

Определение «общественное благо», исходя из того, что все в обществе — «общественно» и «общество состоит из людей», внутренне противоречиво, поскольку механически соединяет то, что всегда лишь становится, представляет тенденцию. Субъективность, изолированная в пределах самой себя, попадает в тупик при определении общественного блага только из своей субъективности. В этом случае благо принимает лишь первое, явно формальное определение: поступать справедливо; добиваться собственного благосостояния, и тем самым благосостояния других.

Выделяется два типа теорий, выходящих за рамки замкнутого в самом себе экономического понятия блага. Первый тип составляет теория высшего блага, в которой благо как таковое, являющееся благом не только для чего-то другого, понимается как высшее благо. Второй тип теории трактует благо как материальную ценность, фиксируя последние, несводимые к другим возможностям использования виды благ и ценностей или их качества.

Возникающая проблема, решение которой обосновывает необходимость государства, моделируется с помощью так называемой «дилеммы заключенных»: каждый в отдельности заинтересован в том, чтобы все следовало правилам и чтобы реализовывалось общее для всей группы благо, однако при этом каждый в отдельности подвергается искушению сделать для себя лично за счет группы исключение из этих правил. Решение этой проблемы может носить организационный и этический характер. Диагноз сводится к тому, что возникла ситуация, — высокие транзакционные расходы, отсутст-

вие конкуренции потребления, невозможность исключить неплательщиков («зайцев»), — где преследование собственного интереса не ведет к эффективной координации действий, организационный выход из которой обусловлен введением либо голосования, либо центрального управления.

В конце концов, понятие общественного блага софистично. Ничто не мешает представить само государство (или рынок) в качестве общественного блага. Но как выяснилось, для такого вида благ характерны перегрузки и недопроизводство. Актуализируется механизм исключения и рационирования, делающий общественное благо получающим благом, что обеспечивается полуконкурентным потреблением.

16.2. Общественные блага и рынок

Конкурентный рынок отличается *эффективным распределением по Парето*, когда большая часть изменений улучшает положение одних за счет ухудшения положения других. Вместе с тем имеются нечастые изменения, которые, улучшая положение одних, не затрагивают положения других, называемые *улучшением по Парето*. Когда нет дальнейших изменений, которые могли бы улучшить положение одних без одновременного ухудшения других, считается, что данное распределение ресурса *эффективно по Парето, или оптимально по Парето*. Максима, что любое подобное улучшение должно быть использовано, называется *принципом Парето*.

Имеется ряд логических ограничений осуществления подобного принципа. Каждое изменение в отдельности может не вести к улучшению по Парето, тогда как их совокупность может его обеспечить. Критерий эффективности по Парето индивидуалистичен, и не связан непосредственно с неравенством, поэтому улучшение положения одного, не затрагивающее другого, отвечающее данному критерию, означает углубление пропасти между ними. Соответственно, когда доход богатых растет быстрее, чем доход бедных, нельзя однозначно признать, что положение каждого улучшается. Критерий эффективности по Парето индивидуалистичен и в том смысле, что каждый индивид воспринимает свое собственное благосостояние самостоятельно, на основе суверенитета потребителя, безотносительно к благосостоянию других лиц, что также не является бесспорным. Данный критерий, кроме того, не исключает противоречивых случаев патернализма как «в быту», так и в государстве. Таким образом, принцип Парето не дает какого-либо руководства по проблемам распределения доходов.

Практически же конкурентные рынки при распределении ограниченных ресурсов не приводят к реализации принципа Парето. Существует шесть причин — «недостатки» («провалы», «фиаско») рынка» — объясняющих, почему рыночный механизм не может привести к подобному эффективному распределению: 1) несостоятельность конкуренции; 2) общественные товары; 3) внешние эффекты; 4) неполные рынки; 5) несовершенство информации; 6) безработица. Кроме того, существуют два дополнительных основания

для государственной деятельности в условиях, даже когда рынок эффективен по Парето: 1) социально нежелательное распределение дохода; 2) ошибки оптимизации собственных интересов, требующие патернализма, — более сильного вмешательства, чем просто информирование, предполагающего обязывание людей использовать так называемые обязательные товары (ремни безопасности или начальное образование, прививки). В целом природа рыночной несостоятельности дискуссионна, и сам по себе факт существования спроса на государственное обеспечение не предполагает, что имеется рыночная несостоятельность.

В рассмотренном отношении возникает противоречие между эффективностью и справедливостью, для разрешения которого необходимо обращение от рыночного к государственному механизму перераспределения.

Если конкурентная экономика эффективна, то распределение дохода, возникающее в этом случае, может рассматриваться как несостоятельное, и необходима государственная деятельность по изменению распределения доходов. Однако всякое распределение сопряжено с затратами, когда эффективность (общее количество благ) понижается и возникает противоречие со справедливостью: чем больше справедливость, тем ниже эффективность. Соответственно, перед политиками возникает ряд вопросов: 1) от какого количества эффективности возможно отказаться; 2) какова относительная степень уменьшения эффективности по сравнению с уменьшением неравенства, поскольку должно или минимизировать неравенство независимо от последствий для эффективности; или минимизировать эффективность — главный показатель; или максимизировать экономический рост.

Данную аксиоматику представляется возможным свести к экономическому росту. Экономический рост, вообще говоря, может управляться механизмами рационирования или рынка, центрального управления или голосования. Требование и поощрение быстрого роста экономики имманентно современным демократиям: несмотря на риторику средством смягчения остроты потенциальных конфликтов электората по поводу того или иного распределения, а также остроты негативных последствий ошибок становится рост распределяемого общественного продукта.

Постановка экономического роста в качестве цели означает дискриминацию в отношении тех граждан государства, которые подобную цель не разделяют. Фактически, такая дискриминация имеет место во многих рыночных мероприятиях. Однако она приобретает особую остроту, когда граждане рассматриваются приверженцами образа жизни, ориентированного на рост, тогда как подобный образ не разделяется сторонниками других, альтернативных, образов жизни и потому не может навязываться.

Между тем в отдельных случаях рост в условиях демократии приобретает характер всеобщей цели, которая, казалось бы, и обеспечивает индивидуальную и коллективную идентичность. Эта всеобщая цель, как все государственные цели, должна претендовать на всеобщность. На самом деле, кто же против роста как такового?

Любой человек должен был бы благодаря этому процессу улучшить свое благосостояние. Тогда получил бы разрешение парадокс, что экономическая эффективность обязательно должна питаться социальной несправедливостью. Однако поощрение хозяйственного развития по большей части не достигает цели повышения благосостояния каждого индивида.

Рыночная дискриминация происходит по массовому и маргинальному («средний класс») спросу. Вследствие экономичности крупносерийного производства и связанного с этим удешевления товаров массового спроса в выигрыше оказываются не богатые потребители, а такие, чей платежеспособный спрос приходится на сферу массовых, или обычных повседневных благ. В проигрыше же оказывается спрос на неходовые товары эстетического пользования и товары ремесленного производства.

Хотя экономический рост увеличивает количество массовых промышленных продуктов, и рыночная конкуренция снижает их реальную цену, однако они не в состоянии повысить количество «позиционных благ», — благ, не подлежащих увеличению по своей сути, и снизить их реальную и относительную стоимость. Удовлетворение стремлений к позиционным, немонетарным благам, например, социальный статус и ранг, все больше наталкивается на границы. Отдельный человек должен платить все больше за те блага, которых он собственно жаждет, по сравнению с товарами массового потребления. Люди получают не то, к чему они стремятся, согласно наделенности разумом и совестью, то есть не позиционные и разумные блага, а лишь все более банальные потребительские товары. Уровень материального благосостояния значительно возрос, феномен насыщения стал очевидным, и социальные изменения, вызываемые экономическим соревнованием, ощущаются острее. В подобном процессе снижаются материальные и социоэкономические издержки, однако повышается социокультурный компонент издержек, рост величины которых носит кумулятивный, общественно взрывной характер при повышающемся уровне развития. Разумеется, из этого следует не призыв к устранению конкуренции, а требование опекать ее и ограничивать, поскольку выявляется разнонаправленное движение компонентов издержек, которое требует регулирования.

Таким образом, эволюция взглядов на государство, обусловленная анализом соотношения рынка и общественных благ, представляет собой движение от представлений о том, что главная функция государства сводится к распределению ресурсов, к представлению о роли выравнивания и распределения доходов. Перераспределение доходов, т.е. снижение доходов богатых и повышение благосостояния бедных, рассматривается как основная задача политики. Рост государственных расходов на образование и здравоохранение также обосновывается тем, что необходимо перераспределение доходов.

Своеобразной логикой отличается кейнсианский подход, который начинается с того, что необходимо поддерживать доходы граждан, и заканчивается тем, что этого можно достичь при наличии мощного госсектора, особенно в периоды циклических колебаний.

Представления о миссии государства, вытекающие из различия в функции общественного благосостояния как максимизации экономического потенциала, так и обеспечения равенства существует постольку, поскольку в обществе наряду с представлениями об эффективности имеются определенные представления о справедливости. Анализ формальных и материальных условий справедливости показывает, что не существует общей формулы или общего критерия справедливости, и наблюдается плюрализм теорий справедливости.

Необходимо учитывать реакцию частного сектора на государственные программы, которая может уничтожить ожидаемые от них результаты. Возникают и довольно отдаленные последствия государственных программ, когда их субъекты изменяют свое поведение в соответствии с новыми условиями.

В современной теории рынков подобные проблемы рассматриваются в теории *транзакционных издержек*, к которым относятся все издержки, связанные с обменом, поскольку обмен требует информации, сам договор о нем предполагает разработанную юридическую процедуру, которая обеспечивала бы соблюдение условий сделки, предотвращала обман и программировала определенные санкции за ее нарушение, хотя следует отметить что этот подход весьма специализирован. Сторонники этого подхода полагают, что природа человеческая описывается в этих терминах — ограниченной рациональности и оппортунизма — такой, как она известна каждому [Уильямсон, 1993, 48]. Ограниченная рациональность связана с несовершенством информации. Оппортунизм в данном отношении — это то, что связано с несовершенством самого человека, нередко склонного к разного рода формам мошенничества, нечестности и т.п. В итоге, обслуживание сделок поглощает огромные ресурсы, но и позволяет повысить эффективность самого обмена.

В связи с этим определяется тенденция создания сложных институциональных структур, которые ограничивали бы участников и тем самым минимизировали бы потери от вышеперечисленных причин, либо наоборот усиливающих те или иные стороны человеческой мотивации. В результате в современных западных рыночных обществах сложились системы договорного права, взаимных обязательств, гарантий, торговых марок, мониторинга и проведения законов в жизнь [Норт, 1993, 71]. Следовательно, современный цивилизованный рынок предполагает надежно охраняемые и соблюдаемые права собственности.

Рынок как форма хозяйственного общения утверждается именно в ходе становления и совершенствования институтов, а не в ходе непосредственной организации процессов. Особое значение имеет комплексность и взаимосвязанность хозяйственных институтов, их рыночная и общественная адекватность. Важно заметить, что институциональность не сводится к государственности, включая, в частности биржи, организации для защиты групповых интересов и самопомощи (союзы, палаты, ассоциации и др.) и т.д., хотя также не адекватно мнение о преимущественно спонтанном возникновении и развитии рыночных институтов, тем более, что стремление

снизить транзакционные издержки рыночного хозяйствования приводит в конце концов к деформации институционального оформления хозяйственных процессов. Вообще говоря, можно выделить еще и автономные, «нейтральные институты», которые сводят трансакции к стандартным процедурам, и представляют собой результаты взаимодействия общественных монополий (профсоюзы и союзы работодателей), в котором не участвует государство и имеются элементы рыночного характера.

16.3. Государство — поставщик общественных благ

Государство производит товары самостоятельно и влияет на принятие производственных решений частными фирмами через налоги, налоговые льготы, субсидии и другие формы регулирования. Имеются объективные причины такой деятельности, обусловленные недостатками в процессе принятия решений фирмами. Возникает ряд вопросов: как государство выбирает форму вмешательства в производство общественных благ? Должно ли оно национализировать какую-то отрасль или регулировать ее? Должно ли государство поощрять правильное поведение через субсидии, или наказывать штрафами?

Государство берет на себя ответственность за обеспечение такой важной категорией товаров, как общественные товары и общественно произведенный частный товар. Но тот факт, что государство платит за товар, совсем не означает, что оно производит этот товар — оно может покупать товар или услугу у частных фирм. Какие факторы влияют на принятие такого решения?

Последнее десятилетие свидетельствует о значительной тенденции к снижению роли государства в производстве во всем мире. Отчасти это объясняется все более распространенным осознанием того, что государство не является эффективным производителем [Стиглиц, 1997, 173]. Между тем систематических исследований по относительной производительности государственного и частного секторов мало, и оценивать их следует с некоторой осторожностью. На самом деле между ними существует немало общего (по крайней мере, между большими корпорациями и государственными предприятиями), так и различного. Различия лежат в сфере организационной (банкротство, конкуренция), и личной (ограничения системы заработной платы, пребывание в должности) мотивации [Стиглиц, 1997, 193].

Хотя существуют лишь разрозненные данные относительно того, что государственная бюрократия менее эффективна, чем частные фирмы, вера в то, что так и есть на самом деле, широко распространена. Частные страховые фирмы обеспечивают полицейскую защиту многих крупных жилищных проектов, американские города разрывают контракты со своими полицейскими управлениями, пожарной охраной, муниципальными и коммунальными органами, многие общины заключили контракты об управлении их тюрьмами частными фирмами. Так, технический прогресс последних лет делает возможной конкуренцию даже в традиционных отраслях «естест-

венной монополии» и снижает объективную потребность в государственном вмешательстве. В некоторых из них в составе всего комплекса можно вычленировать часть, действительно составляющую естественную монополию. Например, в энергетике — отделить распределительные сети от выработки и сбыта электричества. Точные границы рыночного сектора являются предметом современной полемики. Ведутся жаростные споры и на тему, должны ли входить в рыночный сектор, например, здравоохранение, образование, страхование и пособия.

Представлена параллельная линия рассуждений о государстве, которая включает ряд вариантов участия бизнеса, его социальной ответственности. Но не дело корпораций брать на себя псевдоправительственную роль. Движению корпоративной ответственности не хватает легитимности рыночного и политического процесса. Социально ответственный бизнес не может нести груз государственной политики, поскольку даже само государство не может действовать ответственно и независимо.

Формально определены три функции государства по отношению к бизнесу: 1) друг, партнер и заказчик; 2) «сторожевой пес» и «регулирующий»; 3) сборщик налогов [Речмен и др., 1995, 351]. Государственное регулирование осуществляется в тех областях, где может произойти ограничение конкуренции или нанесение вреда обществу. Соответственно, компании объединяют свои усилия, создавая лобби — группировки, которые ищут подходы к политическим деятелям, пытаясь повлиять на законодательство.

Для ответа на вопрос о справедливом распределении дохода и дилемме «справедливость-эффективность» предлагается концепция «государства благосостояния», представляющего собой посредническую арбитражную модель государства, включающую регуляцию различных интересов с целью обеспечения общественного равновесия либо той или иной степени участия (равноудаленности) по отношению к ним. Принимается, что нормативная роль государства — общественный договор — имеет в своей основе политический процесс, в котором нет иных целей (или потребностей) кроме целей индивидуальных граждан или избирателей. В идеале предполагаемая и фактическая роль государства должны совпадать: когда государство будет делать то, что от него в таком случае ожидают, общественное благосостояние отдельных граждан или избирателей максимизируется. Однако заметим, что общественный интерес тем самым оказывается лишь суммой интересов.

В политической и правовой мысли, как известно, долгое время государство рассматривалось как политическое средство секуляризации и суверенитета, что определяло автономию политики и экономики, государства и гражданского общества. Затем государство, понимаемое как территория свободы и автономия, превратилось в государство, основанное на нужде, по словам Гегеля, государство, основанное на рассудке, стоящее лицом к лицу с нуждой. Практикой стала для США Великая депрессия, показавшая, что государство должно отвечать за благополучие граждан, т.к. депрессия — это угроза для всех, и вместо индивидуализма необходима коллективная

защита. В Европе выделяется 1891 г., когда протестантская церковь и, в особенности католическая, в энциклике папы Льва XIII «*Regum poenitentium*» — «О новых вещах» — призвали государственную власть к справедливости по отношению к рабочим. Сфера компетенции правительства расширилась во многих странах, оно распространяло свое влияние на индивидов, начиная с рождения и заканчивая смертью (по вопросам обложения налогом на наследство). Вообще говоря, в результате определились две модели взаимодействия государства и рынка в условиях рыночной экономики — трансатлантическая и рейнская.

Для периода расцвета госвмешательства в экономику характерен ряд политических идей относительно роли правительства, предполагающих, что: 1) деятельность государства нацелена лишь на общественное благо и своекорыстное поведение чиновников является отклонением; 2) государство является целостным организмом, в котором все решения принимаются на основе рациональности и прозрачности; 3) экономические решения поддаются пересмотру и не имеют инерции; 4) инструменты экономической политики находятся под полным контролем государственного руководства, которое может полагаться на честную и эффективную работу аппарата.

В развивающихся странах на экономической роли государства сказалось колониальное прошлое, когда национализация промышленности была вызвана тем, что на момент получения независимости многие крупные предприятия принадлежали иностранцам.

Важную роль могут играть такие факторы, как: 1) менталитет населения (он определяется традицией или религией); 2) уровень экономического развития страны (в зависимости от степени развития рыночных отношений и частного сектора он определяет потребность в большем или меньшем государственном вмешательстве); 3) степень открытости экономики (парадокс состоит в том, что более открытая экономика нуждается в большем госсекторе, поскольку по определению она более нестабильна); 4) уровень технологического развития (он определяет наличие или отсутствие естественных монополий, а также необходимость в регулировании некоторых новых видов деятельности — финансовых рынков, транспорта, связи); 5) качество аппарата госуправления (оно определяет пределы эффективного вмешательства правительств в экономику); 6) появляются новые рынки, нуждающиеся в госрегулировании; 7) возможность мобилизации масштабных ресурсов; 8) преодоление «рациональности незнания», когда издержки по приобретению индивидами информации превышают потенциальную пользу от нее.

16.4. Проблемы государства

Правительства выполняют множество политических, социальных и экономических функций, однако особая потребность в широком участии государства в социально-экономическом процессе обычно упирается в неподготовленность государственного сектора к выполнению своих задач. Вместе с тем обо всем этом профессио-

нальные наблюдатели хорошо знают и излишне останавливаться на констатации известных фактов.

Следует учесть полемику вокруг неадекватности государственно-центристской модели как таковой. «Помимо традиционной функции ведения войны, современные государства добавили к своим функциям в эпоху меркантилизма, перед Французской революцией, экономическую политику. В послевоенный период государства начали ассоциироваться с культурными общностями, названными нациями, и по мере укрепления суверенитета, признающим законным понятие "народ как нация", государства постепенно брали на себя все более широкие социальные обязанности в заботе о благосостоянии своих народов. В результате образовалось средоточие власти: государство получило высший приоритет не только в политике, но также и в экономической, культурной и социальной стратегии» [Taylor, 1996, 1919]. Критика государственно-центристской ориентации теории отмечает, что она: 1) абсолютизирует юридический аспект принципа суверенитета; 2) расширяет содержание суверенного статуса; 3) признает, что государство олицетворяет собой наивысшую степень гражданской идентичности и лояльности; 4) рассматривает государства как единообразную и единственную форму политической организации; 5) разделяет государственный и частный сектора в абстракции; 6) рассматривает и аналитически трактует государство антропоморфно, как унифицированные субъекты [Фергюсон, 1998, 202].

Таким образом, фактом оказалось, что идеализация государства далека от реалий жизни, хотя и не всякая практика является критерием эффективности. Скептическая позиция сводится к тому, что: 1) государство не монолитно, а характеризуется множественностью центров выработки политики, каждый из которых руководствуется своими представлениями об общественных интересах; 2) государственная политика не всегда может быть последовательной в пространственном (центр—местные власти; центр—подразделения) и временном аспектах; 3) политика может определяться корыстью госчиновников и групп давления; 4) те, кто принимает решения не всегда представляют себе, как работает экономика; 5) существуют проблемы исполнения решений; 6) принятые решения необратимы; 7) подвергается сомнению тезис господствующей теории, объясняющей возрастание, формирование и распространение официальных бюрократических организаций с помощью функциональных терминов, когда целесообразные бюрократические структуры наиболее продуктивны, а эффективность координации отношений, усложняющихся под воздействием расширения рынков и технологических изменений, определяется разделением труда и ответственности на пути бюрократической институционализации.

Все аргументы против госинтервенционизма можно свести к следующему тезису: дело не в том, что работникам и администрации не достает побудительных мотивов для производства нужных продуктов правильными способами, — даже если бы они были святыми, они не смогли бы сделать этого из-за недостатка соответствующей информации [Бриттан, 1998, 59]. В целом обсуждение по-

добных проблем требует места, поэтому можно предложить лексикографическое решение: государство стало не столько поддерживать и дополнять рынок, сколько конкурировать с ним и подменять его.

16.5. Перспективы институционального совершенствования

Политическая демократия. Вместе с тем имеется огромное множество ситуаций, в которых необходимо или, по крайней мере, желательно заменить рынок общественным процессом принятия решений [Эрроу, 1993, 55]. Саморегулирующийся рынок, вовлекающий в рыночный обмен такие элементы производства, как труд, земля и деньги, грозит обществу разрушительными последствиями, отмечал К. Поланьи. Труд, земля и деньги не просто элементы производства, — «это не что иное, как сами человеческие существа ("фиктивные товары")», из которых состоит любое общество, и естественное окружение, в котором оно существует». Рыночное использование этих факторов грозит уничтожением и разрушением самих культурных и природных основ общества. «Ни одно общество, даже в течение самых коротких отрезков времени, не сможет выдержать последствия функционирования такой системы чисто фиктивных ценностей без соответствующей защиты своей человеческой и природной сущности и системы организации своего бизнеса от разрушительной силы этих сатанинских жерновов». Благодаря демократическим и представительным институтам ограничивается деятельность рынка «применительно к труду, земле и деньгам... Общество само защитило себя от тех опасностей, которые присущи саморегулирующейся рыночной системе, в этом состояла основная отличительная черта исторического развития» [Поланьи, 1993, 13].

Параллельно рынку необходимо развитие демократической и представительной системы в политике. Недостатки государства порождают вопрос о его совершенствовании. При этом общей основой улучшения является демократизация.

Однако здесь возникает дискурс о голосовании. Он относится к представительным органам. Исполнительные органы рассматриваются в духе бюрократии, хотя и они используют процедуры голосования. Политический механизм принадлежит к средствам распределения ресурсов. Голосование — естественный способ выбора предпочтений определенного уровня общественных благ. При рассмотрении многих проблем общественного выбора возникают примеры, несовместимые с единственным максимумом, и равновесия при голосовании простым большинством может не быть. Причем равновесие при голосовании простым большинством будет отсутствовать при большинстве вопросов, касающихся распределения [Стиглиц, 1997, 157].

В связи с этим возникает проблема определения правила принятия социальных решений, которые помогли бы избежать лукавой ситуации. Причем политический механизм не должен быть диктаторским. Формально, конечный результат не должен зависеть от не относящихся прямо к вопросу альтернатив. Исследования в этой области привели к *теореме невозможности Эрроу*, согласно которой

не существует правила, которое удовлетворяло бы всем необходимым характеристикам и невозможно найти альтернативный недиктаторский политический механизм, который разрешает проблему голосования большинством. Из данной теоремы следует, что нельзя персонифицировать государство, ожидая, что оно действует совершенно аналогично рациональному индивиду, приписывая ему тем самым больше мудрости, чем кому бы то ни было. Таким образом, при голосовании имеет место парадокс № 1, «*парадокс голосования*», или парадокс циклического голосования, когда решение принимается меньшинством. Этот парадокс возникает не всегда, есть основания полагать, что пока предпочтения избирателей не станут слишком различными (оставаясь в пределах «золотого сечения»), процедура голосования состоятельна.

Парадокс Эрроу составляет предмет, известный в теории как общественный выбор, смысл которого яснее раскрывается названием «экономика политики», основанной на принципе, что равновесие, предпочтение и выбор составляют универсализм экономики, хотя этого вряд ли достаточно для объяснения экономической жизни... *Общественный выбор* рассматривает влияние политических процессов на размещение и перераспределение ресурсов с целью определения возможности баланса разных интересов, а также неполноты реализации целей, поставленных государственными программами, обусловленной особенностями выявления и согласования предпочтений с помощью политических механизмов, к которым относится демократия и голосование. Интерес к изучению этого вопроса возник как реакция на утопическое представление, что правительство стоит выше низменного своекорыстия рынка и подчиняется более высоким мотивам и целям, в противоположность которому общественный выбор рассматривает политиков как людей, действующих на своем собственном рынке, стремящихся получить скорее голоса, чем деньги, на рынке, где есть свои особые типы неудач.

Одной из существеннейших проблем, связанных с общественными благами, является выявление предпочтений. Приобретая частные товары, люди обнаруживают свои предпочтения по отношению к различным частным благам. Для общественных благ не существует подобного механизма. Наиболее очевидные политические механизмы связывают высказывания индивидов, касающиеся их отношения к общественным благам, с тем, что они должны платить. Полагается, что мало, кто из избирателей чувствует столь значительную заинтересованность в определенном решении какого-либо вопроса, чтобы тратить время, деньги, или их сочетание за определенную информацию о предстоящих выборах и определять круг насущных вопросов, по которым требуется решение. Предлагаются альтернативные механизмы, которые стимулируют людей к проявлению истинных предпочтений [Стиглиц, 1997, 167], но у них есть серьезные недостатки. Так, известно, что избиратели имеют только ограниченную информацию, на основе которой могут оценивать компетенцию своих представителей, которые кроме того ограждаются риторикой об их сменяемости голосованием.

Парадокс голосования № 2 — почему люди голосуют, когда имеется неизмеримо малый шанс, что их действия повлияют на результаты. Объяснение весьма тавтологично при логически спорном обосновании, проистекающем из смешения двух противоположностей — контрарной и контрдикторной: дескать, они голосуют потому, что получают удовлетворение от участия в политическом процессе, обусловленное воспитанием добродетельности, выходящей за границы представления, что один для другого является только средством. Кроме того, люди могут голосовать и потому, что стремятся закрыть некоторые лазейки в системе государственной деятельности, даже если их персональные обязательства при этом увеличиваются.

Более детализированный анализ подводит к выводу, что, во-первых, недостаток плюрализма (например, двухпартийность) приводит избирателей к центризму и к отсутствию выбора, что снижает их политическую и экономическую мотивацию [Стиглиц, 1997, 161]. Однако здесь имеются ограничения: а) при голосовании простым большинством равновесие может не существовать, так как индивидуальные предпочтения не имеют одного максимума, медианный избиратель четко не определен (в одних вопросах люди являются либералами, в других вопросах — консерваторами); б) центристскость предпочтений не дает подобным избирателям стимулов быть политически активными, поскольку политический процесс и так отразит их предпочтения, но тогда возрастает заинтересованность тех, чья позиция дальше от центра и ближе к противоположным полюсам политического спектра. Во-вторых, низкая рациональность избирателей, которая недифференцирована от бессознательного, проистекает оттого, что в рамках экономики, продвигающей «малыми приращениями», люди, как правило, действуют автоматически, исходя из опыта, накопленного ими, а также другими хозяйственными субъектами, так что их поведение основано на привычных способах реакции на стимулы.

Теория общественного выбора выделяет кроме голосования и такие каналы, как лоббизм и поиск ренты. Соперничество между различными группами, плюралистичность влечет бездействующее правительство в тупик, что как раз и повышает роль государства в свете соединения неовеберовских (неоинституциональных) позиций с концепцией рационального выбора («кроуникапитализм»).

Как совместить специальные интересы с равноправием? Возникает ряд общественных благ — общественный интерес, эффективное управление государственным сектором, выборы из тех, кто компетентен, или тех, кто стоит на точке зрения, близкой к вашей собственной... Таким образом, создание групп — это институциональный ответ на «проблему зайцев» [Стиглиц, 1997, 162].

Альтернативная точка зрения предполагает, что многие политики не преследуют своих эгоистических интересов, проявляют альтруизм и милосердие. Почему бы нет! Вместе с тем следует сделать некоторые уточнения. Во-первых, очевидная непредсказуемость действий политических лидеров позволяет иногда признать в качестве лучшего способа служения общественным интересам следова-

ние личным интересам. Во-вторых, существует проблема выбора, обусловленная ограниченностью информации о мнимых и действительных качествах лидера. В-третьих, даже если лидер не действует в своих собственных интересах, то он подчиняется интересам окружения, специализации и позиционирования, причем как правило, не осознавая подобного характера своих действий. Таким образом, остается до конца не ясно, как интерпретировать «действия ради общего блага», тем более, когда нет единства в понимании общественных интересов и есть условия для проявления теоремы о невозможности Эрроу, то есть не существует простого способа (на основе простого большинства) сознательного согласования различных предпочтений. Ясно только то, что функционеры подсознательно способствовали проведению политики, которая, по общему признанию, не соответствовала их декларированным намерениям и отличалась нарушением общепринятых стандартов справедливости и даже неэффективностью. Это, впрочем, обосновывается законом непредвиденных последствий, согласно которому политические действия обладают свойством иметь ненамеренные эффекты в дополнение к тем, которые были целью этих действий [Долан, Линдсей, 1992, 100].

Тогда возникает вопрос — почему же не принимаются альтернативные решения, оптимальные по Парето? Во-первых, поскольку общественный интерес является общественным благом, как это ни похоже на софизм, должно существовать недопредложение этого, как и любого другого, частным образом обеспечиваемого общественного блага: по оценке Бьюкенена, спрос на бесплатные услуги в области здравоохранения, как и в области образования, всегда будет превышать предложение. Во-вторых, многие из распределительных эффектов, предпринимаемых в интересах групп со специальными интересами, далеко не очевидны, причем это так и задумывается [Стиглиц, 1997, 165].

Теория общественного выбора дает основания для вывода, что представительная демократия не имеет механизмов, обеспечивающих разрешение противоречия между эффективностью и справедливостью в случае государственной деятельности. Вывод, который следует из критики представительной демократии и голосования сводится к тому, что государственный интервенционизм должен быть ограничен, государство должно стать минимальным. Собственной функцией государства является ограничение деятельности, порождающей внешние эффекты и правительство, согласно ей, должно быть учреждением, ослабляющим внешние эффекты. Делом государства является — нести, определять и распределять ответственность за побочные последствия индивидуальных действий. Между тем законодатели могут расписать кому — продавцу или покупателю — следует уплачивать налог, но справедливое распределение налогового бремени зависит скорее от соотношения спроса и предложения [Мэнкью, 1999, 148]. Но не означает ли это, что вообще следует устранить государство, если уж выясняется, что его дальнейшая демократизация бесперспективна в смысле повышения эффектив-

ности? Для ответа на этот вопрос следует рассмотреть рыночную демократию.

Рыночная демократия. Рыночно-демократический общественный строй основан на представлении, что демократия и рынок делают выбор в пользу мнения большинства или в пользу массового спроса, эффективно действующего на рынке. И демократия, и рынок склонны к опасному пренебрежению соображениями относительно побочных воздействий на неспособные на конфликт меньшинства или группы, обладающие низкой покупательной способностью на рынке (прямые воздействия договора на третьих лиц).

Вследствие экономичности крупносерийного производства и связанного с этим удешевления товаров массового спроса (несмотря на период постфордизма) в центре оказывается платежеспособный спрос массовых, или обычных повседневных благ. Такое же предпочтение «середняка» и массового спроса имеет место в режимах демократии массовых и народных партий. Тип массовой партии благоприятствует среднему избирателю с усредненным политическим профилем. Следствие этого — гомогенизация и объективация избирателей и потребителей в части их образа жизни, политических и мировоззренческих установок. Нестандартным же предпочтениям, склонностям и убеждениям в реальных дискурсах приходится нелегко, поскольку они противостоят тенденции к усреднению.

В сфере экономической и политической конкуренции ослабляется властеразделительная функция различения рынка и демократии. В результате возникает доминирование принципа гедонизма, удовольствия, необходимости нравиться, порождаящая напряжения: 1) между культурой производства и культурой потребления; 2) при обосновании метапринципов дискурса; 3) становления индивидуальной и коллективной идентичности в индивидуалистических обществах [Козловски, 1997, 197].

Общественная система принятия решений должна обеспечивать двойкий результат: 1) выработку надлежащих решений (интериоризация всех релевантных аспектов и последствий и способность выносить обязательные решения в соответствующее время); 2) возможно широкий учет интересов и предпочтений всех заинтересованных лиц, отсутствие дискриминации, или максимально возможную способность к обучению, измеряемую по восприимчивости к возможным последствиям принятых решений, а также самое широкое включение заинтересованных лиц при приемлемых издержках принятия решений. Возникает опасность того, что 1) при суммировании индивидуальных решений возникают политические решения, при принятии которых не было никакого ответственного взвешивания возможных выгод и потерь, так как отдельное лицо не может ни получить выгоды, ни разделить убытки или свалить их на других лиц. Принятие решения избирателем есть производство определенного общественного блага, так как это всем идет на пользу, однако частное извлечение пользы из него для отдельного избирателя неопределенно, поэтому его стимулы для принятия правильного ре-

шения весьма невысоки, тем более что неизвестно, будет ли оно поддержано или провалено большинством голосов других избирателей; 2) индивид в процессе голосования вовсе не обязан высказывать свои предпочтения — их можно скрыть, завуалировать, выбирать на основе определенной стратегии, не неся при этом никаких потерь; 3) вероятно, что индивид не будет утруждать себя поисками надлежащей информации ради «правильности» политического решения. Поэтому теория исходит из того, что экономически рационально мыслящий индивид совсем не идет на выборы, поскольку издержки, связанные с нахождением решения, являются большими, чем возможное влияние на результаты выбора.

Рынок и голосование одинаково отличаются узким временным горизонтом, характеризуются заинтересованностью в краткосрочной рентабельности. Будущие блага и интересы будущих поколений при этом страдают: вопрос о соотношении потребления и инвестиций большинство решает не в пользу последних, а отсюда вытекает тенденция демократических режимов к завышенному потреблению и к относительно малым инвестициям [Бьюкенен, 1998, 37].

Рынок имеет преимущества перед голосованием — возможность маневрировать наличными средствами, восприятие интенсивности предпочтений, систему пропорционального представительства по интенсивности предпочтений, которая выражается в платежеспособном спросе. Напротив, голосование при равном избирательном праве не дифференцирует по интенсивности предпочтений и поэтому является дискриминирующим в отношении тех, кто по каким-то актуальным вопросам хочет выразить свою особую заинтересованность.

Таким образом, рынки суть процессы голосования для принятия решений на неконституционном уровне, когда определены рамочные правовые условия и нет слишком большого экономического неравенства. Если это конституционное условие и внеэкономические предпосылки рынка выполнены, тогда в отношении способности обработки информации, интериоризации аспектов решений и включения заинтересованных лиц рынок превосходит голосование [Козловски, 1997, 179].

Перспективы альтернатив. Рынок, и государство, таким образом, являются несовершенными институтами. Поэтому в рыночном обществе осуществляется двойной контроль: правовой (государство) и экономический (рынок), что, кстати, питает настроения сэкономить, упразднив одну из двух статей трансакционных издержек. Вместе с тем поиски лучшего механизма выявления предпочтений не прекращаются... На самом деле, простое суммирование индивидуальных предпочтений и простое сложение отдельной воли в единое политическое или социально-экономическое решение не обеспечивают разумную всеобщность [Козловски, 1997, 205]. Поэтому рассматриваются варианты приближения к всеобщему, что, однако, не означает, что следует отказываться от объединения индивидуальных предпочтений посредством рынка или голосования. В тех случаях, когда всеобщее не возникает из дискурса решений, который лишь суммирует фактические индивидуальные предпочтения и при

котором имеются побочные эффекты индивидуальных действий, не поддающиеся предвидению или же явно оставляемые без внимания на индивидуальном уровне, политическое руководство и парламент как полномочные органы общества должны предвосхитить всеобщий интерес, консенсус.

Ошибки рынка и голосования делают нужным политическое руководство, означая, что политика есть нечто большее, чем власть и государство, сводимые к конфликту интересов. Приближение к всеобщей воле как предвосхищение в дискурсах более высокого порядка происходит благодаря политикам. Этот предвосхищаемый консенсус должен мыслиться как результат идеального дискурса и быть чем-то большим, чем суммирование наличных индивидуальных предпочтений, которые возникают в ситуации неопределенности в отношении будущего совокупного спроса на рынке и в отношении результата решения большинства при голосовании. Тогда интенция на субстанциональное начало общественного единства и переход между многими индивидами должна присутствовать в фактических дискурсах как воля к всеобщему благу или добру, что доказывает необходимо моральный характер политической власти и политического представительства, поскольку моральное состоит в предвосхищении всеобщего в отдельных поступках. Поэтому демократический дискурс нежизнеспособен без метадискурса этики и самоограничения [Козловски, 1997, 193].

Обсуждаемое предвосхищение консенсуса имеет институциональный аспект. Во-первых, поскольку власть присутствует и в дискурсивных процедурах принятия решений, то в них имеются как шансы удачной нацеленности на всеобщее, так и опасность упущения всеобщего блага. Следовательно, власть должна быть ограничена, насколько возможно, как с помощью дискурсивных систем принятия решений, так и в них самих.

Во-вторых, субстанционализация подобного дискурса основывается на представлении, что суть демократии (заметьте, не монархии!) — не выборы, а метод управления путем совместного размышления и дебатов, — *«совещательная демократия»*, в которой совещание и общее благо противоположны власти и конфликту.

Однако распространены пессимистические настроения относительно перспективности альтернатив сегодняшним политическим механизмам. Так, отмечается, что надо тогда переписать, например, американскую конституцию, которая ориентирована в основном на предотвращение авторитаризма, а не на консультации, сотрудничество, консенсус; а не на результат, который мог бы обеспечить единство интересов общественного и частного секторов [Грейсон, О'Делл, 1991, 98]. Кроме того, практика показывает, что обсуждение некоторых вопросов редко находится в центре политических дискуссий, хотя можно привести и важные исключения из этого правила [Стиглиц, 1997, 20]. Напротив, «классическим примером остаются бурные дебаты во всех слоях общества, а затем общественные силы уходят со сцены и остаются лишь особые интересы, просеивающие общественную программу сквозь сито собственной

выгоды, пока цель программы не извратится полностью» [Долан, Линдсей, 1992, 368].

Наконец, инструментом ограничения власти является конкуренция, обусловленная основными антропологическими константами рода homo — 1) если человек есть общественное существо, то — групповой эгоизм представляется не грехом, а правом. Причем в случае, когда речь идет о выживании группы — высшей моралью; 2) если жизнь протекает в мире ограниченных ресурсов, то в кооперации осуществляется поиск собственных преимуществ; за абсолютно редкие ресурсы обоснованно ведется борьба.

16.6. Дилемма «государство — рынок»

Идеальные типы общественных систем включают два основных типа экономических структур — неменовую, централизованно-управляемую экономику, в которой вся хозяйственная жизнь регулируется планами, исходящими из центра (три варианта), и меновую экономику, где каждое отдельное хозяйство осуществляет свои собственные планы (25 форм рынка, различающихся степенью совершенства конкуренции) [Ойкен, 1993, 51]. Из-за заблуждения, что достаточно ликвидировать государственную монополию, привилегии, права принуждения и запрета, чтобы восстановилась совершенная конкуренция, возникают трудности при работе по созданию хозяйственного законодательства. Представляется возможным уточнить место и роль государства как участника общерыночного обмена — определение прав собственности и контроль над соблюдением всего разнообразия заключенных договоров.

В таком случае государство обеспечивает соблюдение законности и гарантирует права личности в обмен на уплату налогов (что для индивидов выгоднее, нежели поддержание порядка собственными силами), а его властные притязания ограничены альтернативными издержками, связанными с его сменой или с выездом из страны. Важно подчеркнуть, что государство в таком контексте с точки зрения его рыночной функции рассматривается, прежде всего, как *институт* правопорядка, с учетом спецификации — *«хозяйственного порядка»*, как это соответствует концепции В. Ойкена. Дело в том, что существуют, как известно, иные представления — государство-администратор («гигантская форма организации грабежа») и государство — перераспределитель дохода, но главное состоит в эволюции прав собственности, основанной на завоевании и закреплении экономических и политических свобод в нормах права, приведших к образованию совершенно разных институциональных структур.

Проявляется настороженное отношение к власти вообще. Это может быть хорошо в стабильных условиях, или даже молодежных бунтов, но отрицательно сказывается при слабой власти. Тогда как недостатки обусловлены не государством как таковым, а органически присущей власти тенденцией производить неэффективные права собственности, и действительно, открытый общественный дискурс об этом является одним из средств ее ограничения. Для власти ха-

рактарно: 1) предпочтительность той структуры собственности, которая вне связи с эффективностью, поддается контролю и создает больше возможностей для взимания налогов, не требуя высоких издержек; 2) столкновение требований эффективности с интересами самосохранения власти, зависящими от общественного мнения, предпочтений сильных политических групп; 3) обеспечение стабильности, создающее видимость снижения транзакционных издержек по сравнению с условиями неопределенности, фактически ведущее к падению эффективности.

Сильная государственная власть обеспечивается, таким образом, не регулированием хозяйственных процессов (в широком смысле слова), а политикой хозяйственного порядка, создающей, поддерживающей, регулирующей институциональную рыночную структуру. Причем, отличительным параметром является вид, качество, государственной деятельности, а не ее объем, количество. Итак, законодательная деятельность и гарантии законности, эффективная судебная власть, оказывают более эффективное воздействие на развитие рыночной экономики, чем любые меры прямого государственного вмешательства в хозяйственные процессы.

Можно отметить парадоксальность выступлений за создание государством регулирующих органов, следящих за соблюдением правил игры, и призывом к устранению многих существующих регулирующих норм. Дело в том, что экономика многих стран перегружена бесполезными и даже вредными видами регулирования, но в то же время страдает от недостаточности регулирующих норм в некоторых, прежде всего в новых сферах экономической деятельности. Правительства должны играть важную роль в регулировании отдельных секторов экономики, таких как связь, транспорт, здравоохранение, энергетика, рынки кредита и капитала. Рыночная экономика нуждается в установлении правил игры и обеспечении потребителей необходимой информацией, но, за некоторыми исключениями, нельзя подменять рынок в вопросах распределения (аллокации) ресурсов.

Механизмы правового государства дополняются институтами «государства, предоставляющего услуги» (Бьюкенен), которые реализуются через предоставление общественных благ (от эстетического облагораживания ландшафтов до охраны окружающей среды), отличающихся, по определению, высокими транзакционными издержками. Следует отметить, что категория «общественность» благодинамична, поскольку такие блага могут переходить в разряд рыночных и обратно; возникают «смешанные» блага. Проблема определения, какие блага следует относить к общественным или общественно значимым имеет самостоятельное значение, балансируя между ухудшением условий хозяйствования и ограничением сфер действия свободы договоров и разрастанием институтов, имеющих авторитарно-бюрократический характер.

При современном миропорядке необходим строгий, но рациональный контроль государства над хозяйственной деятельностью, а также четкие правила игры, что обуславливает новые вызовы правительствам. Особенно в ситуации, когда многие важнейшие экономические решения должны будут приниматься на национальном

уровне, а другие — на уровне международных организаций. Глобализация и конкуренция между странами уменьшают возможности использования государствами перераспределительной политики, особенно с помощью прогрессивной шкалы налогов. Происходит снижение доходов центральных правительств по сравнению с местными властями в отношении налогов на собственность и предпринимательскую деятельность.

В то же время роль национальных правительств в регулировании общественной жизни увеличится. Рынок, эффективно распределяя ресурсы, не способен перераспределять их — распределять справедливо или согласно взглядам, доминирующим в обществе. Деятельность государства в этой сфере, как бы это не было трудно, сохраняется и совершенствуется в направлении обеспечения адресности политики перераспределения и ориентации на экономический рост.

ЛИТЕРАТУРА

- Бьюкенен Д.М. Избранные произведения. М., 1997.
Грейсон Дж.-мл., О'Делл К. Американский менеджмент в XXI веке. М., 1991.
Долан Э.Дж., Линдсей Д. Рынок: микроэкономическая модель. СПб., 1992.
Козловски П. Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистской философии. СПб., 1997.
Козловски П. Принципы этической экономики. СПб., 1999.
Мэнкью Н.Г. Принципы экономики. СПб., 1999.
Норт Д. Институты и экономический рост: историческое введение // THESIS. 1993. Вып. 2.
Ойкен В. Экономические системы // THESIS. 1993. Вып. 2.
Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля, деньги // THESIS. 1993. Вып. 2.
Речмен Д.Дж. и др. Современный бизнес. М., 1995. Т. 2.
Стиглиц Дж.Ю. Экономика государственного сектора. М., 1997.
Уильямсон О. Контрактный человек // THESIS. 1993. Вып. 3.
Фергюсон Й. Глобальное общество в конце двадцатого столетия // Международные отношения: социологические подходы. М., 1998.
Эрроу К. Возможности и пределы рынка как механизма распределения ресурсов // THESIS. 1993. Вып. 2.
Taylor P.J. Embedded Statism and Social Sciences // Environment and Planning. 1996. 28.11.

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

Общественные блага, дилемма заключенных, внешние эффекты (экстерналии), транзакционные издержки, оппортунизм, «недостатки рынка», эффективное распределение по Парето, улучшение по Парето, принцип Парето, государство благосостояния, теория общественного выбора, парадокс голосования, теорема невозможности Эрроу, совещательная демократия, «хозяйственный порядок».

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что значит рациональность?
2. Чем общественные блага отличаются от частных?
3. Каково значение понятия «недостатки рынка»?
4. Каковы некоторые альтернативные теории экономической роли правительства?
5. Каковы перспективы исправления недостатков и совершенствования рыночных и государственных институтов?